

84P6
B 27

В. ВЕЛИКАНОВ

НОРКА

ДЕТГИЗ · 1954

187665

СОБД и Ю
Отдел хранения

P2
B-27

В. ВЕЛИКАНОВ

НОРКА

РАССКАЗЫ

158

184665

599781

Архив

Рисунки Е. Симкина

СВЯЗЬ С НАМЫСЛИ
СВЯЗЬ С НАМЫСЛИ

ОБЛАСТНАЯ ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. Свердловск

~~Отдел хранения
Гос. Публ. библиотеки
им. В.И. Ленинского
г. Свердловск~~

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1954

599781

СОДЕРЖАНИЕ

Норка	3
Разбойник и Мишка	37
Алмаз и Гранит	49

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Великанов Василий Дмитриевич

НОРКА

*

Ответственный редактор С. Е. Миримский. Художественный редактор С. М. Алянский.
Технический редактор А. И. Прозоровская. Корректор Е. Н. Трушкова.
Сдано в набор 30/VII 1954 г. Подписано к печати 24/IX 1954 г. Формат 70 × 92¹/₁₆ —
4 = 4,67 печ. л. (3,34 уч.-изд. л.) Тираж 30 000 экз. А06796. Москва, М. Черкасский пер., 1.
Заказ № 844. Цена 1 р. 15 к.

Отпечатано с набора фабрики детской книги № 1 13-й типографией «Главполиграфпрома»
Министерства Культуры СССР. Москва, Гарднеровский пер., дом 1-а. Зак. 1167.

НОРКА

В госпитале

Познакомился я с ним в госпитале инвалидов Великой Отечественной войны, куда попал на лечение. На фронте я был ранен в позвоночник. Рана давно уже зажила, но боли не давали мне покоя. Лучшим лечением врачи признали массаж.

Дежурная медицинская сестра проводила меня в массажную комнату, в которой была высокая жёсткая кушетка, два стула и тумбочка. Около кушетки стоял массажист в белом халате, с засученными по локоть рукавами. Это был мужчина лет тридцати, с причёской на косо́й пробор, в темносиних очках. Я поздоровался, массажист поклонился и, застенчиво улыбнувшись, тихо проговорил:

— Пожалуйста, разденьтесь до пояса и лягте на кушетку. Только тут я заметил: массажист слепой!

Всё его бледное лицо было изрыто мелкими шрамиками, как будто подкрашенными зеленоватой краской.

Я разделся до пояса и лёг на кушетку. Руки у массажиста были тонкие, мускулистые. Пальцы длинные, с аккуратно подстриженными ногтями. Он молча припудрил спину тальком и

стал массировать. Начал он с лёгкого поглаживания, а потом с нажимом глубоко прощупывал тело, будто что-то искал в мышцах. А то вдруг так рассыпался по коже пальцами, словно перебирал клавиши рояля. Иногда мягко пристукивал кулаком и затем до горения растирал кожу ладонями.

Сначала от массажа боль усилилась, но потом постепенно стала утихать. Кожа на спине приятно горела. Минут через пятнадцать, легонько скользнув ладонью по больному месту, массажист сказал с улыбкой:

— Ну вот, на сегодня, пожалуй, довольно. Как вы себя чувствуете?

Я встал с кушетки и быстро выпрямился, чего до массажа сделать сразу не смог бы.

— Прекрасно! — бодро ответил я.

В палате против моей койки, в углу, лежал капитан Столяров. В этом госпитале он был «старожилом» — лежал уже около года после тяжёлого черепного ранения.

— Ну как? Полегче стало? — спросил он, когда я вошёл в палату. — Да, Николай Ильич у нас дорогой человек... Меня вот тоже сильно мучили головные боли, а массажем он их как рукой снял. Сам много пережил, вот и старается. А ведь художником был...

Когда наш массажист, Николай Ильич Малинин, закончив работу, вышел из госпиталя, мы столпились у открытого окна. Было уже послеобеденное время. Шёл Николай Ильич неторопливо, спокойно, постукивая по тротуару дымчатой металлической тростью. Впереди него, чуть левее, шла на поводке крупная собака. Поводок от неё был пристёгнут к поясу слепого. Всем своим видом — серым окрасом, длинным туловищем с толстой шеей и стелющейся походкой — собака напоминала волка. При встрече с прохожими она не сворачивала — видно, привыкла к тому, что её хозяину уступали дорогу. Прямо на Николая Ильича шёл, о чём-то задумавшись, высокий мужчина в белой шляпе. Казалось, они вот-вот столкнутся. Собака остановилась и, оскалив зубы, зарычала. Рассеянный мужчина очнулся, торопливо снял шляпу и, низко поклонившись, что-то пробормотал.

На углу, где надо было перейти улицу, собака остановилась

и села. По улице шёл трамвай и две машины. Они прошли, и шум их стал затихать. Собака встала и, насторожив уши, как бы прислушиваясь, натянула поводок. Путь был свободен, и собака повела хозяина через улицу. Она не смотрела по сторонам и, наверно, только по слуху определяла, что путь безопасен.

Перешли улицу, и тут новое препятствие: белили дом и тротуар перегородили двумя балками. Собака остановилась перед балкой и потянула хозяина левее, в обход по мостовой. Утром, когда Малинин шёл в госпиталь, на пути ничего не было. Что же это за препятствие?

С деревянного помоста спрыгнул молодой штукатур в парусиновом переднике, закрапленном известковыми каплями, и подошёл к Николаю Ильичу. Он что-то сказал слепому — наверно, предложил провести. Но Малинин отрицательно качнул головой и, осторожно шагнув вперёд, протянул палку, прощупывая препятствие. Да, собака не ошиблась.

Мы долго наблюдали из окна, как работает умная собака-поводырь, пока Малинин не скрылся за поворотом. Мой сосед по койке, Иван Рубцов, безногий артиллерист, восторженно сказал:

— И чего только человек не придумает, а!

Способный щенок

Щенку было всего два месяца, когда Боря Цветков принёс его из клуба служебного собаководства. Длинный и костлявый, щенок казался неуклюжим и некрасивым. К тому же он часто беспричинно лаял, стаскивал со стола скатерть и не слушался окриков.

— Вот дурашливый какой! — говорила Борина мать, Надежда Васильевна. — Пока сделаешь из него толкового пса, намучаешься...

У Бори был уже опыт по воспитанию щенков. Уезжая на фронт, отец оставил ему здоровенного боксёра.

— Смотри, Боря, — говорил отец, — если понадобится, отдай Гепарда в армию. Пригодится в караульной службе...

В конце войны получили печальное известие о гибели отца. Тогда Борис отвёл сильного, злого пса в райвоенкомат и сказал:

— Пусть он там задушит хоть одного фашиста!..

А вместо Гепарда принёс из клуба на воспитание щенка, по кличке Норка.

Пятнадцатилетняя сестра Таня подсмеивалась над братом:

— И где ты только нашёл такого дохленького, дураковатого?

— Ты маленькой тоже, наверно, была не очень умной, — сердито говорил Борис. — Ты ещё не знаешь, какая у него родословная: его мать первый приз получила на выставке. Подожди, вот он вырастет — покажет тебе!

— Свежо предание, да верится с трудом... — нараспев протянула Таня.

Борис молчал и думал: Танька воображает себя уже взрослой, а его считает мальчишкой. Конечно, ему не пятнадцать, а только двенадцать лет, но что ж из этого? Она считает, что он должен её слушаться во всём. Как бы не так! Будет он слушаться девчонку! И волейбольный мяч присвоила, а ведь мама купила на двоих. Да ещё говорит: «Не смей притрагиваться к мячу...»

Норке нравилась возня с мячом, и когда Таня уходила из дому, Борис отдавал щенку мяч. Норка катала его по комнатам, мяч убежал от неё, как живой, стучался ей в мокрый нос, подпрыгивал, а иногда даже прятался под кровать, закатываясь в тёмный угол. Щенок заливался звонким лаем и однажды так сильно вонзил острые зубки в мяч, что тот вдруг устрашающе зашипел и обмяк. Щенок в испуге отпрыгнул от мяча, потом осторожно подошёл и чуть шевельнул его лапой. Нет, не катится, как раньше, не играет. Щенок схватил мяч зубами, потрепал и вскоре бросил, потеряв к нему всякий интерес.

Вернувшись домой, Таня увидела своего брата, сидящего за починкой мяча. Она сразу поняла всё и возмущённо заговорила:

— Мама, до каких же это пор его паршивый кутёнок будет портить мои вещи? Вчера разорвал платок, сегодня мяч. Борька совершенно не считается с моими интересами...

— А ты разве не знаешь, что щенку надо играть? Его надо развивать, — примиряюще сказал Борис.

— Купи себе мяч и развивай своего собачонка, а чужой не-

чего хватать! — кричала Таня. — У нас сегодня тренировка, а ты мне её сорвал, вот что!

— Дети, не ссорьтесь, — успокаивала их мать. — Таня, Боря починит твой мяч, а для Норки я сошью новый...

— Мама, ты вечно Борьке потакаешь во всём!

Таня порывисто повернулась и ушла к себе в комнату.

Тяжело было воспитывать без мужа подрастающих детей. Раньше, когда они были маленькими, она этого как-то не замечала, а теперь у каждого проявляются свои интересы и какое-то горячее упрямство. Работая химиком на фабрике, Надежда Васильевна училась в вечернем университете марксизма-ленинизма и подолгу не бывала дома. И дети нередко были предоставлены самим себе. Отца они любили и слушались, а теперь ей опереться не на кого. Всё надо самой решать... А дети растут, ими надо руководить. Правильно в народе говорят: «Маленькие дети тяжелы на коленях, а большие — на сердце».

Надежда Васильевна сшила большой мяч из тряпок, и щенок катал его, рвал и кусал. А на дворе Борис воткнул в землю тонкую хворостинку и привязал к её концу мочало. Норка хватала зубами мочало и тянула, потом отпускала его. Гибкая хвостина пружинисто качалась, и мочальный хвост, трепыхаясь, дразнил разгорячённого щенка. Ежедневно три раза Борис кормил своего воспитанника густым супом, давал ему молоко, протёртую морковь и даже купил в аптеке бутылочку жидких витаминов.

— Ты ему и свой компот отдай, — советовала Таня.

— Ну и отдам, а тебе что? Он же маленький.

Иногда Борис давал щенку кости, и тот их охотно грыз.

Зубы у щенка были острые, как шильца, и такой белизны, будто их чистили зубным порошком.

Крупная размолвка между братом и сестрой произошла потом, когда щенок подрос и окреп. Щенок был подвижным, задористым, но не злобным. А Борису хотелось, чтобы он был злобным и страшным. Борис хорошо помнил, каким был их Гепард, и ему хотелось из Норки воспитать такого же грозного пса.

Однажды к Тане пришла подруга, Аня Колесова. Щенок незлобно залаял на неё, а Борис натравил:

— Возьми; возьми, Норка!

Норка громко залаяла и бросилась на девушку. Аня испуганно взвизгнула и, открыв дверь, выскочила в коридор. Из своей комнаты выбежала Таня и возмутилась, лицо её стало пунцовым:

— Борис, ты дошёл прямо до наглости! Натравливаешь на моих подруг собаку. Так ко мне никто и ходить не будет.

— Ты ничего не понимаешь, — спокойно сказал Борис. — Это же воспитание. Норка должна недоверчиво относиться к чужим.

— Ну и трави своих товарищей, а моих подруг не трогай! Я маме скажу...

— Ну и говори! Мама меня лучше понимает, чем ты. А ещё в восьмом классе учишься...

Таня вышла в коридор и увидела подругу, прижавшуюся к стене.

— Аня, иди.

— Нет, надо выждать немного.

— Чего выждать?

— Да чтобы Норка считала, что она «победила» меня. Мы ведь так с Борисом заранее договорились...

— Спектакль, значит, устроили. И меня не предупредили... А чего же ты так кричала?

— Да ведь, знаешь, как страшно-то мне показалось...

Наступила весна, и пришлось Норку поселить на жительство во двор, в деревянный сарай. В сарае Борис смастерил ей будку, а на пол постелил старый детский матрасик, на котором когда-то спал сам. Он ежедневно чистил щенка щёткой, а как потеплело — стал его купать. Щенок охотно плескался, а плавать не хотел — боялся. Но ведь всякая служебная собака должна хорошо плавать. Борис брал потяжелевшего щенка на руки, заносил его поглубже и, бросив в воду, плыл сам впереди. Норка испуганно вытаращивала тёмные глаза и быстро плыла обратно к берегу. Потом она привыкла и охотно бросалась в воду сама за хозяином и даже переплывала с ним на другой берег.

Ежедневно по вечерам Борис гулял с Норкой по городу. Её надо было приучать к городскому движению. Сначала щенок боялся машин и шарахался от них под ноги хозяину. Тогда Бо-

рис подвёл Норку к машине знакомого шофёра и вместе с ней облазил всю машину, а потом они проехали на ней по городу, и щенок перестал бояться машин.

Иногда Борис садился на велосипед, выезжал за город и так быстро нёсся по асфальтированному шоссе, что в ушах ветер свистел. Норка, высунув язык, еле успевала за ним.

Но вот Норке исполнилось десять месяцев, и костлявый, озорной щенок превратился в рослую собаку, похожую на волка. Даже Таня как-то сказала:

— Мама, а какая наша Норка красивая стала, правда?

Кончилось наконец для Норки домашнее воспитание, и надо было приниматься за настоящую учёбу. Повёл Борис Норку в клуб, и там ему выдали «родословную», в которой были указаны не только отец и мать Норки, но дедушка с бабушкой и даже прабабушка. Норка получила «паспорт» и стала вполне взрослой. Теперь уже можно её по-настоящему дрессировать.

Всю зиму три раза в неделю ходил с ней Борис в клуб и занимался на учебной площадке под руководством опытного инструктора Вадима Ивановича Третьякова.

Ребята, вожа́тые своих собак, любили Третьякова и восторгались его умением покорять и обучать собак. А вот Бориса и других ребят собаки иногда не слушались. И Борис спрашивал:

— Вадим Иваныч, почему они вам так подчиняются?

— Я им поблажки не даю, вот почему. Они должны подчиняться дисциплине. Во всём — в голосе, в жесте, в выражении глаз — вы должны показать им свою решительность, волю и силу. И они будут покоряться.

Норка оказалась очень способной и быстро усвоила общий курс.

В первомайские праздники, когда к Надежде Васильевне пришли гости — её сослуживцы, Борис показал успехи своей воспитанницы. По его команде Норка садилась, ложилась, прыгала через палку, ползала, а когда он говорил «голос» — звонко, отрывисто лаяла. Борис торжествовал. И даже Таня не скрывала на этот раз своего восхищения и громко говорила своим подругам:

— Знаете, девочки, это её Борис сам воспитал. Борис у нас ужасно упрямый — он чего хотите добьётся! Зимой на лыжах

она его возила буксиром так быстро, что от машины не отставали. Я говорю правду, девочки, спросите у Бориса...

— Говори — не заикайся, ври — не завирайся! — отрезал Борис.

— Бо-оря, — умоляюще протянула Таня, — ты же сам говорил, что от машины с ней не отставал...

Борис торжествующе ухмыльнулся:

— Мы с Норкой в кузове сидели. Чудачка ты!

Все засмеялись, а Таня чуть не заплакала от стыда и досады.

Однажды Борис пришёл из клуба радостно взволнованный.

— Мама, — сказал он, и карие глаза его блестели как-то по-особенному, — к нам в клуб приехал инструктор из Москвы, из спецшколы, и подбирает собак на дрессировку в поводыри...

— В какие поводыри? — не поняла мать.

— Поводыри слепых.

— Ты серьёзно?

— Честное слово! — горячо заверил Борис. — Он подобрал у нас пять собак. И мою Норку тоже. Он, мама, проверил у неё и слух, и зрение, и память, и внимание и сказал, что она очень способная для этого дела...

— Ну, а как же ты? Тебе разве не жаль её отдавать?

— Жалко, конечно, но надо же. Ведь слепые-то — инвалиды войны. Он сказал, что это новое дело... Вот бы интересно, мама, посмотреть, как дрессировать будут, да?

— Да, интересно, — согласилась мать.

— И, знаешь, мама, что он ещё сказал, — что, наверно, Норку после дрессировки обратно в наш город вернут. Она ведь знает все улицы и будет хорошо водить слепого. Понимаешь?

— Понимаю, сынок, но не очень, — улыбнулась мать.

В разговор вмешалась Таня:

— Чудак ты, Борис! Он разыграл тебя, как мальчишку, а ты и поверил.

— Ничего не разыграл, — насупился Борис. — Он правду говорил...

— Совсем ты у меня собачником заделался, — улыбнулась мать.

Она протянула руку и хотела погладить сына по взбитому, непокорному вихру, но Борис отклонился:

— Вы всё ещё думаете, что я маленький...

Надежда Васильевна обняла детей и, прижимая к себе, проговорила ласково и укоризненно:

— Ну, будет вам колотиться. Какие вы у меня ёжики — дотронуться нельзя...

Трудная дрессировка

Норку привезли в спецшколу, в дачное Подмосковье. Кругом были зелёные луга, рощи, светлые пруды. Деревянные дома окружены садами, палисадниками и огородами.

Собаки, привезённые из многих городов на специальную дрессировку в школу, размещались каждая отдельно, в просторной вольере, обнесённой высокими стенками — стальными решётками. В середине каждой вольеры — небольшая землянка-конура. Жить в ней собаке очень удобно: летом в ней прохладно, а зимой тепло. Перед каждой конурой стояли две металлические посуды: кормушка и поилушка. В поилушке не переводилась свежая вода.

Первое время собаки, оторванные от родного дома, где они выросли, вели себя беспокойно: они бегали по вольере из угла в угол, от стенки к стенке и тревожно лаяли.

Тосковала по своему дому и Норка. У неё был грустный вид. Она тяжело вздыхала, временами позёвывала, а иногда тихо скулила, будто жаловалась на свою горькую судьбу. А вечерами она поднимала узкую морду кверху и протяжно тянула однотонную, тоскливую песню: «А-у... у-у!»

Новый хозяин — дрессировщик Васильев успокаивал Норку:

— Ну что ты, дурочка, завывала, а? Нельзя. Скоро работать начнём, и всю твою тоску как рукой снимет. Веселее будет.

Собака прислушивалась к спокойному басистому голосу Васильева, пристально смотрела ему в глаза и постепенно затихала. Он выводил её на прогулку, но не спускал пока с длинного поводка, и она не могла резвиться так, как резвилась на воле с Борисом. Новый её хозяин был тоже хорошим, хотя и бо-

лее строгим, чем Борис. Он кормил её пахучим вкусным супом, чистил щёткой и купал в пруду. Ей было приятно, и она быстро привыкла к новому хозяину, а потом охотно стала выполнять его приказания. Да и требовал он от неё пока очень немного — всё то, чему её научили в клубе, вроде: «ко мне», «сидеть», «гуляй», «на место», «стоять»... Норка быстро исполняла требования Васильева.

Однажды Васильев привёл Норку в рощу, на большую поляну, где был оборудован какой-то странный городок: тут стояли одноэтажные фанерные домики, на стенах которых висели настоящие почтовые ящики, вдоль домиков протянулись асфальтовые тротуары, кое-где были лестницы и столбы, рвы с деревянными мостиками, ямы, лужи, тумбы и даже узкоколейная железная дорога с переездом и шлагбаумом.

Васильев надел на Норку кожаную шлейку — она плотно обхватывала шею и грудь собаки. На спине от шлейки вверх торчала тонкая стальная дуга. Дрессировщик уцепился за эту дугу левой рукой, как за поводок, а в правую руку взял трость. Затем он подал команду «вперёд», «тихо» и пошёл вслед за собакой, ощупывая тростью землю. Он уподоблялся слепому, не закрывая, однако, глаз, и учил собаку двигаться по свободному тротуару, на правой стороне улицы. Иногда он плотно закрывал глаза, чтобы яснее себе представить, как слепой чувствует себя. На миг Васильев погружался в какую-то тёмную бездну и тут же открывал глаза. Тяжело было без привычки. Будто в подземелье каком-то и не знаешь, куда идти. Надо так научить собаку вождению слепого человека, чтобы он чувствовал себя почти зрячим.

Норка шла послушно — ведь это так нетрудно. Но её надо было научить понимать и обходить все «человеческие препятствия» — вернее, препятствия для слепого. Сначала она стремилась по-своему «срезать углы» при переходе через улицу, как это делают обыкновенно все собаки, а через небольшие препятствия пыталась прыгать и тащила за собой человека. Но Васильев не шёл за ней, он почему-то упирался и говорил строго: «Нельзя!» Норка оттопыривала одно ухо и отрывисто лаяла: «Ам!» Вероятно, это означало у неё вопрос. Она, видимо, по-своему недоумевала: почему это улицы надо переходить непре-

менно на перекрёстках да ещё под прямым углом? И почему сильный человек вдруг стал таким беспомощным — не может перепрыгнуть небольшой ровик или бревно? Васильев осторожно обходит бревно стороной, а ровик переходит через мостик. Так должен поступать слепой.

Собаку надо было научить так овладевать пространством, как овладевает им слепой человек. Когда Норка стремилась перепрыгнуть небольшие предметы, лежащие на её пути, Васильев спускал поводок до земли и задевал им за этот предмет. Собака рвалась вперёд, а поводок больно дёргал её назад. Да, лучше уж обойти стороной. Эти предметы Норка быстро научилась обходить, но препятствий выше её роста она не чувствовала. Но ведь там, где собака пробегала свободно, не глядя вверх и не замечая препятствия, человек может задеть головой. Васильев останавливал Норку перед высокой перекладиной и, постукивая по ней палкой, говорил: «Нельзя, обход», и при этом тянул собаку за поводок в сторону. Нет, она всё-таки не чувствовала никакой опасности в этом препятствии и старалась прошмыгнуть под перекладину. Но ведь так нельзя, слепой ушибётся. Васильев сделал по-другому: перекладина упала на Норку в тот момент, когда она хотела пройти под ней, и больно стукнула по шее. После такой неприятности Норка стала поглядывать вверх и обходить всякое высокое препятствие, расположенное на уровне человеческого роста и даже выше.

— Ну как, Норка, теперь поняла? То-то, упрямая... — сказал Васильев и улыбнулся.

После каждого исполненного приказа хозяин говорил ей «хорошо... хорошо...» и поглаживал при этом по голове сильной мягкой рукой. А то и давал кусочек вкусного варёного мяса. На ремешке, перекинутом через плечо, висела у Васильева парусиновая сумочка. Как только Васильев опускал в неё руку, собака нетерпеливо переступала с ноги на ногу и не сводила с него влажно блестящих тёмных глаз. Получив кусочек мяса, Норка виляла хвостом и беззвучно оскаливала большие белые зубы — будто смеялась от удовольствия.

Васильев научил её уступать дорогу машинам, повозкам, верховым, но бесшумному велосипеду, к которому Норка привыкла у Бориса, она не хотела уступать дорогу. А ведь велоси-

педист может сшибить слепого. Пришлось во время дрессировки нарочно наехать на неё. Норка обозлилась и стала бросаться на всех велосипедистов. Пришлось отучать её от этой дурной привычки.

Через два месяца дрессировки в лесном городке Васильев направился с Норкой на окраину Москвы.

Попав на бойкую городскую улицу, Норка сначала испугалась и попыталась увести «слепого» в боковые, более тихие улицы. Но Васильев её не пускал.

— Нельзя, прямо вперёд! — строго приказал он.

И она шла. У её нового хозяина такой волевой, энергичный голос. С ним всегда хорошо, но он не даёт ей воли и требует точного выполнения приказа.

Попробовал Васильев обратить внимание Норки и на световые сигналы уличного движения, но она не поняла их. Она от природы страдала, как и все её сородичи, дальтонизмом: не различала цветов. Но зато, приученная понимать жесты, она замечала изменение в положении милиционера-регулирующего. Когда милиционер своей полосатой палочкой приостанавливал движение машин, Норка смело устремлялась вперёд, ведя за собой хозяина.

Наконец Васильев повёл её туда, где было особенно много людей: на вокзал, базар и скверы. Норка шла точно прикованная к своему хозяину и не проявляла к людям никакого интереса, кроме одного: как бы не столкнуться с ними и свободно провести своего «беспомощного» хозяина. А хозяин иногда так притворялся слепым, что даже надолго закрывал глаза и шёл за обученной собакой свободно, смело, не чувствуя уже никакого страха перед чёрной бездной. Он шёл за своим поводырём и думал: «Хорошо... Хорошо... Мой неизвестный друг — слепой — получит надёжную опору в ходьбе. И ему будет легче жить».

Через три месяца такой специальной подготовки был устроен «выпускной экзамен» собакам — поводырям слепых. Каждый дрессировщик подготовил несколько собак, и теперь учителя волновались за своих «учеников». Не сорвутся ли? Ведь столько в них вложено терпеливого, настойчивого труда...

Васильеву завязали глаза, и Норка безукоризненно точно провела его через все препятствия.

Председателем экзаменационной комиссии был профессор Киселёв из Института физиологии. Небольшого роста, с бородкой клином, в пенсне, он чем-то напоминал Чехова. Профессор пожимал Васильеву руку и говорил, заглядывая глубоко ему в глаза:

— Спасибо, товарищ Васильев, очень хорошо вы поработали! Ваши поводыри будут надёжными друзьями инвалидов. Но нам надо теперь проверить собак «в работе» не только по изученным маршрутам. Смогут ли они самостоятельно ориентироваться в городе?.. Вы понимаете меня, товарищ Васильев?

— Да, понимаю, Михаил Иванович, — ответил Васильев.

— Ну, так вот вы и проверьте это, когда передадите Норку по назначению. Собственно, поэтому мы и посылаем собак в их родные места, которые они хорошо знают.

Мастер тонкой кисти

Незадолго перед войной Николай Ильич Малинин окончил в родном городе колористический¹ техникум и стал работать художником по тканям на текстильной фабрике. Он подолгу пылливо изучал мастерство старых «умельцев» тонкой кисти, ходил на луга, в сады и в лес, зарисовывая цветы с натуры. Он удивлялся и завидовал мастерству старых художников, которые двумя-тремя красками создавали простой рисунок, а глазам он казался многокрасочным, ярким, радостным. Малинин много работал, но ему сначала никак не удавалось создать свой, свежий рисунок, и он уже начинал думать о том, что бездарен и напрасно взялся за это трудное дело. А старый мастер Абрамов успокаивал его:

— Ничего, Николай, ты не унывай. У тебя есть природная искорка. Помни всегда нашу пословицу: «Что на кисть тяжело даётся, то покупателю по сердцу придётся».

Так и вышло. Создал Малинин два своеобразных текстильных рисунка, и фабричный художественный совет единодушно одобрил их.

Один рисунок был на шёлковое полотно, с небесно-голубой

¹ Колорист — специалист по расцветке тканей.

и золотисто-солнечной полосками, а другой — на майю для детей, и назвал его Николай Ильич «лесной полянкой». По белому полю причудливо рассыпаны лепестки цветов, листочки, ветви, ягоды земляники, грибки с красной шляпкой. А среди этих алых фигурок мелькало маленькое солнышко с красным ободком. Приглядишься и заметишь — солнышко улыбается...

Вскоре Николай Ильич увидел ткани со своей расцветкой в витринах магазинов, а потом на девушках и детях.

Однажды Николай спросил своего учителя, старого художника Абрамова:

— Алексей Николаевич, а удалось ли мне в своих рисунках передать людям то, что я чувствую к ним?..

Абрамов взглянул из-под нависших густых бровей на своего ученика и сказал:

— Кто с любовью работает, тот сердце своё отдаёт людям, и народ это ценит...

Но мечты и творческая работа художника Малинина вскоре были прерваны войной.

Уходя на фронт, он говорил жене:

— Маша, побереги мои эскизы... Я вернусь и закончу их...

На фронте он был командиром орудия. Однажды на их огневую позицию противник обрушил огонь многих реактивных миномётов, и Малинина, с изуродованным лицом, в тяжёлом состоянии, эвакуировали в госпиталь.

В тыловом госпитале, на Урале, он пролежал целый год, а затем приехал в родной город.

Светлый мир солнца и красок, который он так любил преображать в рисунки, исчез для него навсегда и сменился вечной темнотой. Он уже не чувствовал телесного своего ранения — оно давно зажило, затянулось рубцом, а ранение другое, душевное, не давало ему покоя, и не уменьшалось оно, а нарастало...

Находясь дома без всякого дела, он страдал — война отняла у него радость любимого труда. Он подолгу на ощупь перебирал свои довоенные эскизы и мысленно вспоминал цветистые рисунки. Однажды Мария, наблюдая за мужем, сказала ему:

— Коля, я заходила в госпиталь инвалидов войны. У них нет массажиста, а нужда в нём большая... Как ты думаешь, а?

Ещё в госпитале, в группе выздоравливающих, он научился массировать. Как-то при обходе раненых начальник госпиталя сказал Николаю Ильичу:

— Я вижу, вы скучаете без дела, товарищ Калинин. Займитесь массажем. Полезное дело. Пригодится...

Послушался Николай Ильич доброго совета и охотно принялся за дело.

Работая, он убедился в том, что массаж делает чудеса. Кажется, навсегда после тяжёлого ранения окостенеет сустав и врачи вот-вот произнесут страшное, как приговор, слово «анкилоз»¹, но усиленный ежедневный массаж и упражнение ноги постепенно возвращают суставу его нормальную подвижность, и, глядишь, инвалид начинает ходить всё лучше, свободнее, веселее.

И как приятно сознавать, что это дело твоих рук, твоего труда!

Вернувшись в свой город, он сначала как-то и не думал о том, чем будет заниматься. Но без дела скучно и грустно стало жить, просто невозможно. И как кстати теперь заговорила Мария о работе! Он обнял свою подругу за плечи и ласково проговорил:

— Машенька, умница ты моя дорогая... Спасибо.

Больные любили его цепкие горячие руки, и Николай Ильич почувствовал, что он нужен людям, полезен им.

А тут ещё родился сын. Мальчик был крепкий, черноволосый и кареглазый. Знакомые часто говорили:

— Смотрите, весь в отца... А глаза-то, глаза, как угольки...

И тогда пришла, вернулась к Николаю Ильичу прежняя радость жизни.

Лишь одно его всегда волновало. Он часто слышал о том, что империалисты готовятся к новой войне. Потеряв в битве с фашизмом зрение, войну он представлял себе сплошной чёрной ночью, и поэтому жгуче ненавидел тех, кто готовил для человечества эту ночь.

Николай Ильич хорошо знал свой город, где он родился и

¹ Анкилоз — неподвижность суставов вследствие сращивания суставных поверхностей костей; происходит от воспаления суставов, ушибов, ранений.

вырос, и ходил на работу без поводыря. Да и некому было водить его. Мария, став директором школы, целый день находилась на работе, а Леночка училась. Возвращаясь из школы, она убирала квартиру, готовила чай и ухаживала за маленьким братцем. Но как бы ни знал Николай Ильич свой город, а его самостоятельность в движении была ограничена. Раньше он видел мир на несколько километров вокруг себя — теперь же он совсем не видел его, а лишь воспринимал обострившимся слухом и ощупывал правой рукой, вооружённой палкой, и только то, что отстояло на каких-нибудь полтора метра от него.

Движение в городе после войны сильно выросло, и стало небезопасно переходить улицы, где шумы нередко так переплетались между собой, что трудно было уловить из них тот, который нёс слепому опасность. Как-то раз проходящая машина задела его кузовом и больно ушибла. Две недели он пролежал дома, и эти дни ему показались скучными и длинными. Ушиб, правда, не очень тяжёлый, скоро всё пройдёт, но как же дальше? Ходить одному по городу опасно, а не ходить — значит, не работать!.. Нет, не работать он не может. Он так оживился, окреп от работы. Даже ходить стал смелее, увереннее, и жесты у него стали энергичнее. По вечерам он часто рассказывал Марии и дочке о жизни и подвигах раненых, которых он лечил.

Думая о судьбе своего мужа, Мария зашла как-то в городской Совет.

— Мы послали в Москву заявку на собаку-поводыря, — сообщила ей председатель городского Совета Смирнова Анна Ивановна. — Да, да, собаку. Не удивляйтесь, Мария Павловна. Дело это, правда, новое, но, говорят, надёжное. Собаку привезёт специальный инструктор.

Дома Мария Павловна сообщила мужу эту новость, не скрыв своего сомнения. Николай Ильич растрогался: чуткое внимание к нему его разволновало, но четвероногого поводыря он никак себе не представлял. А Леночка, услышав разговор родителей и опасаясь, что они откажутся от собаки, всплеснула ладошками:

— Да что вы! Пусть привозят! Я с ней играть буду...

Возвращение

Когда Васильев вёл Норку по городу, она смело и свободно шла по улицам — вероятно, узнала родные места.

Семья Николая Ильича жила в новом двухэтажном доме, недалеко от фабрики. Возле дома был обширный двор, по краям которого росли молодые акации. В углу двора насыпана большая куча золотисто-жёлтого песка, в котором сосредоточенно копались маленькие дети. Девочки-школьницы перебрасывали из рук в руки мяч. Среди малышей вдруг возникла драка.

— Витя, оставь! — закричала светловолосая девочка, разнимая драчунов. — Нельзя драться! Ну, что ты какой буян...

Черноволосый мальчик надул пухлые губы и, насупив брови, проговорил угрожающе: «Дам!» Потом он увидел вдруг откуда-то появившуюся собаку и, просияв, крикнул: «Вавака!» Все дети мгновенно прекратили игры. Во двор входил человек в светлозелёной солдатской гимнастёрке, с крупной собакой, похожей на волка.

Девочка оставила братца и побежала к дому, громко крича:

— Папа! Мама! Посмотрите, какую собаку нам привели! Как волк!

Ей хотелось первой сообщить эту радостную новость родителям. Пускай все соседи знают об этом — ведь в доме ни у кого нет такой собаки, а у них вот будет!

Навстречу вышла Мария Павловна.

— Пожалуйста, пожалуйста, проходите, — пригласила она. — Николай Ильич как раз дома.

Норка недоверчиво озиралась по сторонам, плотно прижимаясь к левой ноге своего хозяина. Здесь всё для неё было чужим.

Они вошли в просторную гостиную. Мария Павловна указала гостю на полумягкий стул с низкой, изогнутой спинкой, а сама вышла в другую комнату.

Васильев огляделся. В комнате стоял круглый стол, покрытый бархатной красной скатертью. Возле дивана, покрытого белым чехлом, с одной стороны — тумбочка, а с другой — большое трюмо. На тумбочке поблёскивал коричневой полировкой:

радиоприёмник. Всё было обычным: чистым, красивым и простым, но необычное гость увидел на стенах. Они были увешаны цветистыми рисунками в рамках: тут были и огненно-алые тюльпаны, синие васильки, белые и розовые ромашки, гвоздика, анютины глазки, красные гроздья рябины. Некоторые же рисунки состояли из каких-то полосочек, точек, завитушек, горошин, но в таком сочетании, что рисунок казался привлекательным. Все эти рисунки отражались в трюмо, и казалось, что там, за зеркалом, ещё одна такая красивая комната. Васильев хотел было подняться со стула и подойти к стене, чтобы рассмотреть рисунки поближе, как услышал голос девочки.

— Дяденька, а можно её погладить? — спросила она и, не дожидаясь разрешения Васильева, протянула руку к голове Норки.

Собака сдержанно прорычала «рр-р-р...», и девочка испуганно отдёрнула руку:

— Ой, какая злая!

В это время из другой комнаты показался Николай Ильич в светлосерых шерстяных брюках и голубой шёлковой майке. Он так свободно шёл по комнате, будто был зрячим.

— Здравствуйте, — сказал он, безошибочно и точно протягивая руку Васильеву.

— Папа, как же она будет тебя водить, такая злока? — разочарованно проговорила Лена.

— Вот в том-то и дело, дочка, что надо с ней подружиться.

— Это верно вы, Николай Ильич, сказали. Надо вам теперь завоевать доверие и любовь Норки, но прежде всего я должен подружиться с вами. Иначе Норка не признает вас. Она ведь у нас с характером... А тебе, девочка, надо с ней поосторожнее быть, пока она не привыкнет.

В это время через полуоткрытую дверь со двора, косолапо шагая и сопя, вошёл черноглазый Витя и, смело подойдя к собаке, погладил её по морде.

— Маленькая, — проговорил он.

Всё, что очень нравилось Вите, он называл «маленькая». Так его самого называли родители.

— Мама! Она укусит его! — закричала Лена.

— Тише... — остановил её Васильев.

Норка спокойно взглянула на малыша и чуть-чуть вильнула хвостом.

— Не пугайтесь, — проговорил Васильев, — даже самые злые собаки не трогают маленьких детей.

— Почему так? — удивлённо спросила Лена.

— Наверно, чувствуют, что малыши не могут причинить им никакой боли, — сказала Мария Павловна.

— Безусловно, — подтвердил Васильев.

— Ну, а я для неё большая, что ли? — обиженно проговорила Лена.

— Ишь, какая хитрая! — улыбнулась Мария Павловна. — То всё твердит, что большая, а сейчас захотелось быть вдруг маленькой...

— Ну и не буду дружить с ней, подумаешь...

Все улыбнулись, а Лена от обиды даже вышла из комнаты.

Норка инстинктивно разделяла всех людей на друзей, которые были близки её хозяину, и к этим людям она относилась доверчиво, и на чужих, которые были далеки от хозяина. Эти люди были ей безразличны, и к ним она относилась со скрытой недоверчивостью. Вероятно, ей казалось, что они могут причинить её хозяину неприятность. Васильев дружит с новым для неё человеком, он вместе с ним ест за одним столом, ходит по городу, мирно беседует, и Норка, сопровождая их, стала относиться к Николаю Ильичу спокойно, дружелюбно. Попробовал Николай Ильич её кормить, но она не приняла пищу и даже отошла подальше от него. Её всегда приучали не принимать из чужих рук пищу. А сейчас Васильев приказывает ей принять от Николая Ильича. Он говорит строго и ободряюще:

— Можно, Норка, можно... Ешь.

Собака вяло подходила к кормушке и с какой-то предосторожностью, нехотя поедала угощенье, посматривая то на Васильева, то на Николая Ильича. Всем своим равнодушно-подневольным видом она как будто хотела сказать новому человеку: «Ну что ж, если так хочет мой хозяин, я съем свой обед, сделаю вам такое одолжение, но на мою дружбу вы всё равно не рассчитывайте...»

Потом Васильев стал уходить из дому как раз в те часы, когда надо было кормить собаку. Она стала принимать пищу от

Николая Ильича и в отсутствие хозяина, не оказывая при этом новому кормильцу никаких особых знаков внимания.

Попыталась ухаживать за Норкой и Леночка, но Васильев категорически запретил:

— Нельзя, Леночка. Иначе она не привыкнет к папе и не будет его водить. Поняла?

— Но ведь мы вместе живём... — обиженно протянула Лена. — Он ведь мой папа, и должна же Норка понимать это...

— Ты не расстраивайся, Леночка, — успокоил её Васильев. — Норка всё поймёт, когда я уеду от вас и она привыкнет к папе. Вот тогда и ты будешь ухаживать за ней.

— Дядя Ваня, а почему вы её разрешаете играть с Витей?..

— Потому что он маленький.

Получилось так, что после первого же смелого знакомства Витя приобрёл у Норки какое-то особое расположение. Он не только гладил её, но даже трепал за уши и брал за нос. Норка играла с ним: бегала от него по комнате, приседала и взлаивала. Витя гонялся за ней и весело смеялся. К играм она привыкла у Бориса, но Васильев редко давал ей резвиться.

Однажды Васильев ушёл на целые сутки, и Норке пришлось остаться одной в семье Малининых. Среди членов семьи она уже заметно предпочитала Николая Ильича: всё приятное теперь исходит от него, он такой спокойный, добрый. Правда, он не такой уверенно-строгий, как Васильев, но зато он ничего от неё не требует. Лишь кормит и ласково говорит: «Норка, Норка».

Вечером она забеспокоилась. Подошла к двери и, царапая её передними лапами, заскулила — попросилась на волю. Она хотела найти Васильева.

— Нельзя, Норка, нельзя, — говорил Николай Ильич, — ложись...

Не дождавшись хозяина, глубоким вечером Норка легла около пустого дивана, на котором спал Васильев. А ночью Николай Ильич проснулся и услышал около своей койки сопящее дыхание собаки. Она лежала на полу, свернувшись клубком. Николай Ильич прошептал: «Норка!» — и легонько погладил её по голове. В ответ на ласку собака сдержанно, один раз, лизну-